V ДВ922
П27

Перед лицом смерти

ДВГНБ

ЭР03207

1771847

ДВГНБ

ЭР03207

1В922

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1931 г. № 41-42

П27.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СМЕРТИ

СБОРНИК

Владимир Кузнецов — Как я спасся от колчаковцев. Повилихин — Перед лицом смерти. Титов — Во власти палачей. Б. Жданов — Застенок.

ДВГНБ

1777847

Хабаровск. краевая БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

19 Москва 31

ЭР03207

ДВ государственная научная библиотека

ДВГНБ

ФЗУ Мособлполиграф.

У полн. главл. В — 5588. Заказ 1667. Тираж 25.000.

ЭР03207

Владимир Кузнецов
В изложении
И. С. Дмитриева

Восстание в Красноярском военном городке и как я спасся от колчаковцев

Нужно вспомнить, как было дело при колчаковщине.

Мобилизованные крестьяне были на положении невольников, которых взяли в казармы, подготавливая их на борьбу с большевиками. Если черносотенное офицерство, генералы и биржевики, возглавляемые Колчаком, видели в борьбе с большевиками «спасение родины», то рабоче-крестьянская масса видела в этой борьбе лишь удушение рабочих и крестьян.

Пышные речи генералов, эсеров и меньшевиков не могли вдохновить мобилизованных солдат. Общее бесправие отражалось в одинаковой мере как на рабочих, так и на солдатах. Воинские части были заражены большевизмом.

Необходимость борьбы с колчаковщиной созревала в головах солдат. Трудно было мо-

ЭР03207

билизованной молодежи мириться с мыслью, что она своей силой будет утверждать Колчака, нового «помазанника», прочищающего дорожку к самодержавию.

Влияние подпольной организации сказалось и на солдатских массах. Были организованы воинские ячейки. В своем воспоминании участник и инициатор июльского восстания в Красноярском военном городке Владимир Кузнецов рассказывает, как созрело и происходило это восстание.

Апрель 1919 года. В военном городке формируется 3-й горный стрелковый полк. Солдаты-тюкалинцы не надежны. Озлобленные против колчаковской власти, обманом и нагайкой поставившей их в ряды армии, они чувствуют себя крайне возбужденно.

Началось дело с пищи. Будучи взводным командиром 7-й роты, я фактически командовал этой ротой. Ни фельдфебеля, ни офицеров в роте не было. Командир батальона, штабс-капитан Колгатин, знакомый по школьной скамейке, мне доверял. Решили мы мо-

ЭР03207

мент этот использовать. На занятиях с осторожностью поднимались вопросы о скверном питании, о негодном обмундировании, о том, что сама война для рабочих и крестьян не нужна. «Занятия» имели успех. Агитация завершилась взрывами поголовного возмущения.

Шли дни. Близко ознакомившись и узнав во мне агитатора, солдаты стали своими людьми. Из их среды выделились также достаточно политически развитые товарищи. Так создалась подпольная военная группа в нашей роте.

В мае месяце были выдвинуты вопросы о подпольных полковых делегатских собраниях, о подготовке к восстанию и захвате власти. Организационное собрание полковой подпольной организации состоялось на берегу Енисея. Присутствовало 8-9 человек. Из них помню товарищей: Шунько с завода «Памяти 13 борцов», Григорьева из Тюкалинска и Кудрявцева Михаила (после подавления восстания все были расстреляны). Заседание постановило перебросить агитационную работу во все роты полка, а также охватить ею 31-й сибирский стрелковый полк и 4-й

ЭР03207

стрелковый полк с приданной ему батареей, расквартированные в военном городке в лагерях.

На третьем или четвертом собрании у нас присутствовали уже делегаты от всех частей городка и представители Красноярской подпольной организации рабочих большевиков, именовавшей себя «Молчановской». Обсуждался вопрос о восстании. Было решено подготовлять к этому солдатские массы, подогревая недовольства, возникающие на почве хозяйственно-бытовых условий. В частности, большое возбуждение вызывалось среди солдат вопросами скотского расквартирования (жили в оборудованных под жилье конюшнях).

Мне было поручено агитировать к восстанию 7-ю и 8-ю роты. Надо сказать, что задача эта не представляла уже больших трудностей. Ребята все знали и решение о восстании было встречено с большим подъемом. Вырвать подпольщиков из общей массы солдат было невозможно. Первое испытание этому прошло блестяще. Возмущение солдат было разожжено вокруг обеда, приготовленного из тухлой рыбы. Роты

ЭР03207

от обеда демонстративно отказались. Было доложено капитану Колгатину. Началось выискивание зачинщиков, грозили расстрелом. Однако ребята держались дружно, и ни один из агитаторов выдан не был.

Таким образом, предварительные условия для успешного выступления по 3-му горному полку были налицо. 31-й полк нам тоже удалось взять под свое влияние. Хуже было дело с 4-м полком. Он был сформирован из цензовиков и не внушал нам доверия. Этот факт оказался роковым для исхода восстания, но сейчас он нас не смущал. План восстания был таков: арестовать офицерский состав, захватить склады оружия, подготовить к восстанию рабочих железнодорожных мастерских, с захватом городка объявить советскую власть. Гарнизон военного городка насчитывал до 6 тысяч человек. Товарищ Кудрявцев и один из прапорщиков должны были руководить повстанцами. На мою долю выпало руководство штабом. Пулеметчиками также были назначены свои командиры.

28 июля в районе военного городка в одной из учебных траншей состоялось послед-

ЭР03207

нее собрание подпольщиков. Ночью 30-го решено дать сигнал к восстанию. Были споры по плану действия. Часть товарищей советовала захватить боеприпасы и уйти в тайгу, так как прямой бой держать с большими чешскими отрядами, находящимися в городе, трудно. Однако большинство признало предложение действовать в прямую.

30 июля. Летняя ночь скована нервной тишиной. Ровно в 12 часов раздался винтовочный выстрел. Это сигнал. Взметнулись лавой по казарме. До этого никто не спал, лежали в постелях одетыми, ждали. Прежде пали те, на кого зудились руки и кто мог стать помехой делу. Некоторых посадили на гауптвахту. Офицеры, заблаговременно узнав о восстании, забаррикадировались в своем клубе. Пришлось брать с бою. Кто защищался, тот был убит, остальные взяты под караул.

Произошла большая ошибка. Не была своевременно перерезана связь с городом. О восстании было уже сообщено. 4-й полк не выступил. Больше того, когда я приехал туда, меня встретили ружейным залпом, лошадь была убита. Перед нами встал неожи-

ЭР03207

данный фронт. Под утро дозоры заметили двигающиеся от города цепи. Мы приготовились, растянувшись полукругом в цепь и выставив 32 пулемета. Перед восходом солнца начался бой.

На стороне противника было превосходство. 4-й полк громил нас артиллерией. Одновременно началась бомбадировка и со стороны города. Дрались часов 8. Начала обнаруживаться неустойка. Часть стрелков в панике отступала на Старцево, другие отходили в казармы. Между тем цепь фронта с города усилилась и засыпала наши окопы бомбами из бомбометов. Офицеры 4-го полка со стороны лагерей подходили с белыми флагами, призывая солдат опомниться от большевистской агитации.

В 11 часов утра наша цепь дрогнула окончательно и побежала. Остались отдельные смельчаки за пулеметами, продолжая косить подступающие цепи поляков, чехов, казаков. Храбрецы жертвовали собой. На глазах у меня один из товарищей (фамилии не помню) стрелял до последнего патрона в ленте, а потом забросил замок. Двух подскочивших казаков уложил из нагана, а тре-

ЭР03207

тьим выстрелом покончил с собой. К 5 часам вечера восстание было ликвидировано. Мы в бою потеряли 35 человек, со стороны наступающих было убито 18 офицеров, 65 человек солдат.

Началась расправа. Расстреливали каждого третьего, потом, когда насытились кровью — десятого. Подозрительных расстреливали на месте. Всего было расстреляно за восстание 700 человек. Часть товарищей, и среди них руководивший действиями повстанцев прапорщик, сумели сбежать. Едкие и обидные замечания товарищей, что их подвели, заставили меня остаться.

Под конвоем двух офицеров я был доставлен военно-полевому суду. Угрозой расстрела и пытками требовали выдать подпольные организации города. Будучи связан с «Молчановской» организацией на Каче и «Чебаченко» в Алексеевке, я категорически отказался от дачи всяких сведений. Двухнедельный допрос и ежедневные пытки раскаленными шомполами и нагайками довели меня до бессознательного состояния.

Пытка палачами применялась самая утонченная. Доведя меня до бессознательно-

ЭР03207

го состояния, они опять приводили в чувство. Давали возможность прочувствовать все ужасы пытки и потом снова брались за истязания. Тело распухло и потеряло местами чувствительность. Под ногти запускали иголки, сначала было нестерпимо больно, впоследствии пальцы омертвели и, когда тыкали иголками, я смотрел спокойно, словно не мне это кололи, а другому человеку.

Голова была пробита в нескольких местах. Волосы с запекшейся кровью и мясом стояли дыбом. Я не мог ни лежать, ни сидеть, не было живого места на теле, и был я накануне сумасшествия. В таком состоянии вместе с Иваном Соболевым, Иваном Григорьевым, Борисом Сафьяновым и еще двумя товарищами меня сначала передали в распоряжение контрразведки.

Когда привели в контрразведку, там нас опять взяли «в переплет», допрашивали с пристрастием, упражняясь в физкультуре, испытывая прочность своих кулаков на наших физиономиях. Лица наши, опухшие и запекшие кровью и кровяными подтеками, потеряли образ человеческий.

Три часа длилось надругательство над на-

ЭР03207

ми, затем повели под усиленным конвоем на гауптвахту, находившуюся на Батальонной улице. Там посадили в отдельную комнату. На нас смотрели как на смертников, жизненный путь которых окончен. Отдельные солдаты нам сочувствовали, но был к нам приставлен фельдфебель, выдвиженец колчаковской реакции, который роптал, что нас до сих пор не расстреляли и возятся еще с нами.

Просидев на гауптвахте ночь, мы были переведены в тюрьму. В тюрьме нас посадили всех вместе в 4-й коридор, 2-я одиночка — камера смертников, из которой можно было видеть лишь двор и небо с овчинку.

После всех истязаний тюрьма показалась нам раем, так как палачи больше не подвергали пыткам. Потянулись дни томительного ожидания. Неотступно преследовала мысль, что палачи не сегодня, завтра оборвут нашу жизнь. Но когда и как должно было это произойти, было неизвестно. Мы не допускали мысли, чтобы все прошло безнаказанно. Мы строили предположения, что, может быть, палачи дают нам передышку, чтобы поджили раны и чтоб потом снова подверг-

ЭР03207

нуть пытке. Лечебной помощи не оказывали, после ран образовались нарывы. Нашли иголку и ею прорывали нарывы. После этого наступило облегчение. На прогулку не выпускали. Строго караулили у окна и дверей карательный отряд Короткова и казаки. Карателя к нам были зверски настроены.

В одну ночь без всякого к тому повода один из окарауливающих в окно нашей камеры открыл стрельбу; рикошетом летали пули по камере, но по случайности никого не убили. О нашем пребывании в тюрьме скоро узнали наши товарищи, томящиеся в заключении. Зная об ожидавшей нас участи, они во время прогулок, проходя мимо окон, старались нас ободрить. С воли нам принесли белье. Это дало нам большое физическое облегчение. Старое белье было все пропитано мясом и кровью. Несмотря на плохие условия, молодой организм быстро стал выздоравливать. Прошла охота умирать. Да и как-то не верилось, что я должен помереть. Жила какая-то вера в спасение.

Впоследствии один из надзирателей сжалился над нами и несколько раз сводил в тюремную лечебницу перевязать раны.

ЭР03207

13 сентября военно-полевой прифронтовый скорый и правый суд в составе 3 человек (председателя полковника Вагнера, он же и комендант города Красноярска, и двух офицеров) вынес приговор: «За измену родине, за убийство 30 офицеров, за смущение православной солдатской массы Владимира Кузнецова, Ивана Григорьева, Ивана Соболева — расстрелять». Одного оправдали, а Сафьянова оставили в тюрьме без суда.

Не безынтересна процедура суда. Ударив нас несколько раз прикладами, со злостью предложили нам: «Говори, большевистская сволочь, где ваша организация!» Не получив ответа, больше вопросов не предлагали. После суда какими-то товарищами, сидевшими в той же тюрьме, была послана телеграмма на имя Колчака с просьбой замены расстрела каторгой. На это получили ответ: «Жаль, что они имеют по одной голове: если бы было две — снять обе».

Участь наша теперь определенна, адрес известен — отправиться к праотцам. Григорьев впал в уныние и страшно скорбел. Жалко было оставшуюся семью. Меркнет жизнь, а вместе с ней надежда на победу. Раненым все-

ЭР03207

гда кажется, что сражение проиграно. Давят тяжелые думы. Мы представляем собой живые трупы. Напала вша на нас, хоть горстью скреби. Слова утешения здесь не помогут. Одно осталось лишь — с честью умереть. Я ободряю товарищей и рисую им план побега. Не будем отчаиваться до последней минуты. Я что-нибудь придумаю. Пусть они ждут моего сигнала. Во время расстрела сделаем отчаянную попытку. Ловкость моей прошлой профессии циркового акробата вселяла в меня уверенность выкинуть еще один, хотя бы последний, номер, чтобы удивить своих врагов.

Григорьев потерял веру в спасение, Соболев же заражался моими мыслями и ждал, что авось что-нибудь выйдет. Для нас нечего терять, жизнь не в наших руках. Нужно на все отважиться. Разговор между нами не клеился. Да и о чем говорить обреченным? О спасении души? В это никто из нас не верил. О победе рабочего класса? Ведь, она хороша для живых, но не для мертвых. А мы... мы мертвы! Одно утешение, это память о нас живых товарищей. Да, память о нас является светочем, озаряющим наши души

ЭР03207

здесь в подземелье. Будем стойки до конца.

В ночь на 16 сентября Коротковский карательный отряд в 23 человека пожаловал за нами. Загремели железные засовы дверей, екнуло сердце. «Вот он когда конец!» — мелькнула мысль.

В камеру вместе с отрядом пришел и поп, принесли столик, поп стал за ним. Направив на нас штыки, стали по очереди подводить к попу для покаяния. Меня повели первым, я отказался разговаривать с попом; затем — Соболева, тот тоже последовал моему примеру; за наш отказ сделать покаяние получили по нескольку ударов прикладами. Осталась очередь за Григорьевым. Он смелыми шагами, огромного роста детина, направился к столику попа и как пнет поповский столик — полетел вверх ногами поповский столик! Каратели набросились на нас и стали связывать. Вывели на тюремный двор. Соболева и Григорьева привязали к телеге, меня посадили в пролетку связанного и по обеим сторонам сели два офицера.

Под таким усиленным конвоем в 12 часов ночи нас повезли на городское кладбище.

ЭР03207

Небольшая луна изредка из густых туч бросала свой слабый свет. При проезде по городу я с завистью посматривал на свободно идущих по улице граждан, возвращающихся из театра.

«Счастливчики!» — вырвалось из моих уст.

— А что, поди, не хочется умирать? — спрашивают меня офицеры.

Я им отвечаю:

— Давайте поменяемся ролями, узнаете сами.

Некоторые из конвоиров делали попытку в дороге устроить расправу, но офицеры, побоявшись шума, отговаривали.

На кладбище кто-то дал мысль.

— Верхнюю одежду с них нужно снять.

— Давай — снимай одежду, чего в землю зря зарывать!

Развязали нам руки и ноги; верхнюю всю одежду: гимнастерки, брюки и сапоги сняли. Оставили в одном нижнем белье.

— Ну, теперь готово.

— А где же яма? — спрашивает начальник отряда.

— Темно, яму не найдут.

— Да чего там с ними возиться? Расстрелять тут!

1777847
ЭР03207

— Ну, стоит возиться, а потом таскать в ямы!

Нас держат за руки и пошли все искать вырытые могилы. Мы также ищем себе могилу. Наконец, могила найдена.

— Становись на край ямы.

Тесным полукольцом нас окружили штыками. Штыки находятся от наших грудей в расстоянии полуметра. Офицер обнажил шашку и подал команду.

— По изменникам родины...

— Господин офицер, — обратился я, — разрешите перед смертью перекреститься!

— Крестись.

Занося руку для осенения крестным знамением, локтями как толкну Соболева и Григорьева! Ухватился за близ направленные на меня штыки, раздвинул их, кинулся вперед и опрокинул двух солдат. Рядом стояли их лошади, я бросился в середину их.

Пошла пальба, защелкали затворы и затрещали выстрелы. Рвануло мне в правое бедро, словно горячим железом шлепнуло. Прибавил еще ходу... Палачи сели на коней и за мной. Бежать пришлось через ямы и рвы. Я бежал с легкостью зайца. Преследователям

ЭР03207

было неудобно гнаться на лошадях за мной. В темноте лошади по рвам спотыкались и кувыркались.

С кладбища я побежал в направлении Покровской слободы. Погоня не отставала. Не останавливаясь в домах, думая, что в домах все равно разыщут, бегу, не различая предметов и препятствий, как только вообще способен бежать человек от смерти, когда она гонится по пятам. Со всего маха полетел в ров, как в бездну, и потерял сознание. Через некоторое время опамятовался. Где я? — не понимаю. Жив ли и что случилось? Стал осматривать себя и проверять части тела.

Да, надо спасаться. Но куда я попал? Смотрю — огромный ров. Оказывается, что я слетел в пропасть с высоты шести-семи метров. Ноет правое бедро. Весь в липкой крови и грязи. Собрался с силами и стал ориентироваться, куда направиться. В город побоялся итти. Решил удаляться от городка в деревню Богачеву, к своему отцу, который проживал там. Выбрался из оврага и пополз в сторону часовни, стоящей на горе.

В тот момент, когда я полетел в ров, преследователи кинулись искать меня по домам и потеряли из виду.

ЭР03207

Перейдя через гору, я вброд перешел Качу. В воде размыло рану. Наступили адские боли. Двигаться мог с большим трудом. Тело после такого потрясения как бы потеряло способность к самозащите. Наступил упадок сил. Набрел около дороги на яму, в нее забрался и лежу с тяжелыми думами: «хватит ли сил добраться до Богачевой? Ведь 12 верст израненному нужно пройти!»

Вдруг слышу конский топот всадников. Всматриваюсь — силуэты, восемь человек. Несомненно, это в поисках за мной. Лежу не двигаясь. Приближаются все ближе. Вот слышу и голоса их.

— Да не может быть, чтобы он мог сюда удрать... Надо было их еще в тюрьме расстрелять, а то возились, возились с ними... Где тут ночью найдешь его!

Встали. Слышу разговор. Совещаются, куда дальше ехать. Неужели теперь я должен погибнуть, когда так близко спасение?!

Судьбе, знать, было угодно: повернули лошадей и поехали в ту сторону, откуда я шел!

Как только они удалились, почувствовал вновь прилив силы; свернув в сторону от дороги, продолжал свой путь до Богачева.

ЭР03207

По приходе к отцу, мне обмыли и перевязали раны, а потом я отправился в лазарет, именуемый гумном, где меж снопов нашел себе приют и отдых.

Так шли дни. Осень входила в свои права, в моем жилье стало холодно. Раны стали подживать. После побоев был как очумелый. Остался один лишь инстинкт самосохранения и ненависть к палачам.

С наступлением холодов надо было искать более теплое помещение. Хозяйка квартиры, Дарья Маямсина, у которой жил мой отец, имела большую жалость ко мне: носила пищу, топила баню и залечивала мои раны. И это — несмотря на могущие быть печальные последствия для нее за оказанный мне приют! Я стал изредка оставаться в квартире.

Колчаковцы все же узнали, что я нахожусь в Богачевой. Через 3 недели после моего побега отряд в 15 человек пожаловал за мной.

Отряд заметили, когда он был уже около дома. Я в это время как раз был в доме.

— Батюшки! — в страхе шепчет Маямсина,— пропали мы. Скрывайся!

Бежать из дому было уже поздно.

ЭР03207

— Прячься в подполье, — говорит она мне.

Делать нечего — лезу. Своим сыновьям, мальчикам лет 5-6, строго приказала говорить, что у нас никого нет.

— Ну, хозяйка, мы знаем, что у тебя Владимир Кузнецов находится, говори! А то тебя расстреляем,— грозно предупредил каратель.

— Да что вы, у меня живет Петр Кузнецов. Здесь кузнечеством занимается, а Владимира нет.

— Мальчик, скажи, кто у вас живет? — стали они пытать сынишку хозяйки.

— Нет, у нас живет Петр Кузнецов, он кузнец, и тетя Зина.

— А Владимир Кузнецов живет?

— Нет.

— Врешь, щенок! Смотри, маленький, а уже большевиков покрывает!

— Ну, хозяйка,— обратился он к Маямсиной,— готовь нам чаю. Да пошлите за отцом Кузнецова.

Взяли в переплет моего отца и жену Зинаиду. Угрожали расстрелом. На расспросы обо мне те отвечали, что не знают о моем пребывании.

ЭР03207

— Обыскать дом и гумно! — отдал начальник распоряжение своим опричникам.

Открывается подполье, лезет один из колчаковцев.

Я забился в далекий угол подполья.

В подвале темнота, полно насыпано картофеля. Слышу — обшаривает руками.

Эх, знать-то, меня судьба на этот раз обманывает! Чувствую над собой дыхание смерти. Шарится, но спички не зажигает. Я замер и затаил дыхание. Наконец, каратель выругался и вылезает. Я облегченно вздохнул. В доме по половицам ступают тяжелые шаги властелина. Расположились чай пить.

— Ну, Кузнецов,— заявили отцу,— за сына, очевидно, тебе самому придется к стенке стать. Тебя и жену твоего сына мы забираем. Ты нам в Красноярске сам скажешь, где твой сын.

Связали им руки, посадили в телеги.

Отца посадили в тюрьму, там он просидел месяц, а жену — в контрразведку, где она просидела две недели.

После этого я ушел в тайгу на хутор и там был до прихода Красной армии.

С восстановлением вновь советской вла-

ПРЕВЬЮ

ЭР03207

сти в Красноярске во время работы моей в Чрезвычайной комиссии ко мне пришел товарищ Соболев, мой товарищ по несчастью. Ему также удалось удачно убежать, как и мне, и даже не будучи раненым. Григорьев же, как видно, был убит, так как о нем ничего не было слышно.

Так закончилась первая попытка свержения власти сибирского кровавого диктатора Колчака.

ДВГНБ

ЭР03207

Жуковский.

Перед лицом смерти

Убийство 17-ти революционеров 26 марта 1919 года в городе Благовещенске, со слов обреченного товарища В. Повилихина.

Это было в кошмарный период буржуазно-офицерской диктатуры, когда кровавые властители ставили человеческую жизнь ни во что, когда Амурская область стонала в когтях белых чудовищ... Тюремный мартовский день приближался к концу. Мороз усиливался к ночи.

Жутко в вечерних сумерках тюрьмы; чувствуется веяние смерти, так как каждую ночь кого-нибудь выводят на казнь, и никто из узников не был гарантирован, что его сегодня тоже не выведут на казнь, без суда выведут, так себе, ни за что ни про что, отнимут жизнь мучительным образом, просто из любви к искусству...

ЭР03207

Я сидел в одиночке с товарищем Ерыгиным,— рассказывает тов. Повилихин. — Прошла вечерняя поверка, сосчитали нас по обыкновению и, кажись, ничего особенного, но предчувствие чего-то недоброго закралось в душу. Нервы у меня в этот период были еще не истрепаны, крепкие, но ежеминутное ожидание всякой страшной неожиданности давало себя чувствовать.

Не успел утихнуть шум удалившейся стражи, как вдруг в коридоре послышался топот сотен ног и лязг оружия. Вооруженные люди подходили к одиночкам и останавливались. Стали открываться двери одиночек, и послышались возгласы стражи: «Шумилов, Поспелов, Хабаров, выходи!» — и целый ряд других фамилий. Мы тревожно и вопросительно переглянулись с товарищем, и сердце забилось тревожно и быстро...

Открывается и наша одиночка, и грубый окрик — «Повилихин, выходи!» — заставил нас вздрогнуть. Растерялся, не знаю в чем дело, куда ведут в такое время. Ведь после поверки никуда не вызывают, только на смерть. «Неужели на волю?» — мелькнула мысль. Спешно целуюсь с Ерыгиным, он что-

ЭР03207

то говорит, но до моего сознания доходят только его последние слова: «Господин начальник, а меня нет в списке?» Мгновение, и я в коридоре, одиночка захлопнулась, а в ушах гудит противный голос палача: «Завтра и ты будешь, и тебя вызовут»...

Увидя коридор, переполненный людьми, среди которых стояли фигуры Шумилова, Шафира, А. Семенченко, Шелковникова, А. Чумака, Шемякина, И. Шестакова, Л. Белина, Н. Воробьева, И. Семенченко, П. Зубка, П. Вшивкова, Мельниченко, Поспелова, Хабарова, Федина,— тут же и «доблестные» офицеры Файбушевич и Чечуа,— я понял, что затевается что-то недоброе, что-то страшное, чему нет названия. Полумрак тюремного коридора, бряцание оружия, тишина ночи — все это наполнило душу тоской и скорбью. Откуда-то появились веревки и нас всех восемнадцать человек стали связывать друг с другом веревками, попарно рука с рукой. На наши недоуменные вопросы — куда нас ведут? — послышались злорадные, двусмысленные ответы:

— На свободу...

— В другое помещение...

ЭР03207

Японец-офицер успокаивающе говорит, что нас отправляют на Сахалян в качестве заложников, чтобы большевики в области не предпринимали активных действий.

Связанных веревками, плохо одетых, вывели на тюремный двор. Морозом пахнуло в лицо...

— Прощайте, братья, прощайте, товарищи! — и гуд сотен голосов из тюрьмы огласил тюремные стены.

— Прощайте, до свиданья!.. Прощайте, братья! — кричим мы. Кричим и не вполне сознаем, что это прощанье навеки...

Прощайте, братья...

— И вы там завтра будете! — кричит Турецкий, начальник тюрьмы, и грубой циничной бранью заканчивает свою речь.

У конторы нас остановили, окружив тесным кольцом конвоя японских жандармов; осматривают, крепко ли связаны руки; подходит японский солдатик ко мне с винтовкой, трогает руками веревку, а у самого на глазах слезы.

— Куда нас поведут? — спрашиваю, — убивать? (контрами).

ЭР03207

Японец утвердительно качает головой, а крупные слезы одна за другой текут по его желтому лицу. Милый, добрый японец! В твоей темной душе нашлось-таки чувство человека, чуткого к страданию, к людскому горю...

Крепко связанные руки немеют, дрожь пронизывает до мозга костей. Тяжело... жутко... в душе пустота и смерть... Подходит офицер-японец, «садит» в рот папиросу и, мгновенно вынув, тычет грязными пальцами конфету...

Издевается...

Осмотрев все, крепко ли связаны руки, палачи направили нас к выходу. Закрепили тюремные ворота, и обреченных нас ночная тьма, словно львиная пасть, поглотила. Подгоняемые со всех сторон штыками и ударами, мы направились за тюрьму к ямам, где весной копают глину для выработки кирпича. Там для нас предназначалось место вечного покоя, место казни. Пока мы прошли это сравнительно недалекое расстояние, я успел пережить целую вечность. Целая жизнь пронеслась в моем мозгу. Вспомнилось детство, мать, родина, все до мельчайших подробно-

ЭР03207

стей. Даже самые незаметные мелочи жизни всплыли почему-то особенно ярко...

А сердце бьется так быстро, быстро, как раненая птица. — Товарищ дорогой, — говорю связанному со мной Вшивкову, — думал ли я, что мы будем связаны друг с другом одной веревкой и вместе умрем!..

За сказанное слово солдаты бьют беспощадно.

Тяжело, мрачно на душе. Пустота... а жизни так жаль, так обидно умирать глупо и бессмысленно, добровольно подставляя голову под удар палачей. Умирать с сознанием, что даже ничего не сделал для идеи, для пользы ближних.

Молодой, сильный организм не хочет мириться с неизбежностью смерти, он протестует, и в голове зарождаются мысли о сопротивлении, о побеге.

Ударить конвойного, броситься в темноту ночи; или быть убитым сразу, или спасение!.. Я насторожился, напряг все внимание на мысль о побеге, но связанные веревкой, отекшие руки парализуют волю.

Итак все пропало! Проклятые руки, проклятые веревки!

ЭР03207

Эх, да разве можно передать все это словами! В человеческой речи нет тех выражений, которые могли бы выразить хоть одну маленькую часть ужаса, пережитого нами. Словами этого не передашь.

Все мы одеты налегке, кто в летней рубахе, кто в легком пиджаке. И несмотря на то, что шагаем быстро, холодный ветер пронизывает насквозь. Дрожим от холода и волнения; зуб на зуб не попадает. Чувствую, как товарищ Вшивков дергает руками, пытается незаметно освободиться от веревок. Напрягаю всю силу и делаю то же, но страшная боль не позволяет двинуть ни одним мускулом, а товарищ Вшивков все дергает. Спрашиваю у офицера Файбушевича, куда нас ведут, и получив ответ, что на Сахалян, говорю ему, что ведь дорога не туда ведет. «Вероятно, убивать ведете?» — «А если знаешь, то зачем спрашиваешь»...

Привели на место казни. Остановились... Я почувствовал, что веревка, связывающая нас, ослабела. Очевидно, тов. Вшивков работал не даром: маленькая, маленькая надежда закралась в мою душу!

Началось приготовление к казни, а мы,

ЭР03207

словно стадо ягнят, окруженных голодными волками, робко сжались в кучу... У многих на глазах слезы, а в душе страшная драма смерти, веяние крыльев которой уже шумит над нами, говорит о вечности. Стали прощаться перед уходом от жизни, начались поцелуи, слышалось затаенное рыдание. Живой человеческий организм не хотел признать никаких доводов, он не мог мириться со смертью... Жутко... страшно, а главное — нет выхода, чувствуешь свое бессилие!

— Какой произвол, какой жестокий произвол! Даже с родными не пришлось проститься,— говорит зачем-то Яков Григорьевич Шафир, и жгучие слезы туманят его старческие глаза.

Палачи приготовились к бойне. Напряженная торжественная, страшная минута. Вдруг товарищ Зубок, отвязавшийся от своего спутника, бросается на колени перед офицером и в каком-то отчаянии молит палача: «Сжальтесь, пощадите! У меня дети маленькие, пожалейте их!..» Какой болью, какой мучительной болью отозвался в нашей душе вопль несчастного. Камень, и тот разрыдался бы, но наемники капитала остались неумо-

ЭР03207

лимыми. Холодным и спокойным тоном: — «Я ничего не знаю» — отвечает «доблестный» офицер.

Мгновение — и товарищ Зубок, с колен, изо всей силы ударяет одного из мучителей и бросается в сторону. Раздались крики, посыпался град пуль, но беглец исчез. Конвой насторожился и придвинулся ближе к нам, нас поставили на краю ямы, на дне которой был еще снег.

— Становись на колени! — протяжно раздалась команда, и все обреченные опустились на колени. Сверкнули шашки, бряцанье оружия, предсмертные стоны и хрустенье костей. Кровь застыла в моих жилах. Куда девался Вишняков, что происходило дальше — не помню. Какая-то нечеловеческая сила, словно вихрь или страшный удар, столкнула меня в яму, прозвучал выстрел, и я потерял сознание.

Долго ли я пробыл в таком состоянии, не знаю, но страшный, леденящий душу холод привел меня в чувство, так как я лежал в одной рубахе, грудью на снегу, а вокруг меня и на мне лежали убитые и умиравшие в судорогах товарищи. Первой моей мыслью

ЭР03207

было, что я умираю, но отсутствие физической боли успокоило меня. Масса крови моих несчастных братьев обрызгала меня, заливала лицо, а связанные сзади руки делали меня совершенно беспомощным. Вся яма переполнилась стонами, хрипением умирающих и скрежетом зубов. Я попытался подняться, но лежавшие на мне трупы не давали возможности этого сделать.

Повернув голову в сторону, я столкнулся лицом к лицу с товарищем Шелковниковым, который умирал в страшных судорогах, и его слабое дыхание обдавало мое лицо. Мне стало жутко. Со страшным усилием воли повернулся я на другую сторону, сдвинул чью-то руку, опустившуюся на мое плечо, которая снова опустилась на меня. С крепко связанными руками я был весь во власти моих мертвых товарищей; отчаяние закралось в душу с новой силой. Чувствовал, что схожу с ума. Решил во что бы то ни стало спастись и, работая плечами, стал выбираться из груды мертвых тел, которые плотно придвинулись ко мне, как бы не желая расстаться со мной.

Карабкаясь среди тел, успел разглядеть окровавленную голову старика Шафира и

ЭР03207

красивое страдальческое лицо тов. С. Шумилова, которого узнал по большой черной бороде.

Среди всего этого кошмара, опьяненный чувством сознания, что я жив, я совершенно забыл об опасности там, наверху, забыл про палачей, как вдруг до слуха моего донеслись голоса людей, о чем-то горячо говоривших. Я весь похолодел и замер, прижавшись к убитому товарищу. Мысль, что меня могли заметить, наполнила душу ужасом, а ко всему этому мне послышался звон лопат и шорох о землю. Мне казалось, что яму будут закапывать, и перспектива быть похороненным заживо была страшнее всего пережитого за весь вечер. Лежал и не шевелился. От дрожи зуб на зуб не попадал. Сколько прошло времени, не знаю; может быть, одна минута, показавшаяся вечностью. Но голоса постепенно стали стихать, шаги удалялись все дальше, и все стихло.

Мертвая тишина нарушалась только стоном одного из товарищей, лежавших подо мной, но вскоре и он замолк. Я подождал еще несколько мгновений и, убедившись, что опасность миновала, стал выбираться из мо-

ЭР03207

гилы на свет. Это стоило мне немалых усилий, так как мертвецы не пускали меня.

Наконец, я все-таки выбрался из ямы; огляделся кругом — ни души. Решил пробираться к городу, к человеческому жилищу, ибо шагать в тайге в мокрой летней рубашке не было сил. А тут еще вспухшие связанные руки мешают итти; боль адская, даже в глазах темнеет...

Жажда жизни так овладела мной, что я готов был отрубить себе руки, лишь бы уйти. Долго ли шел до города, не помню, но очутился у избушки сторожа городской больницы. С бьющимся сердцем постучал туда. Глубокий старик открыл мне дверь и, увидя меня в крови, связанного, испугался. А ведь много ужасов видел он за это время: не одного расстреляли на его глазах!

— Дедушка, спаси меня! Я бежал от казни, помоги мне...

Окинул меня тусклым взглядом старик и покачал головой.

— Хорошо, я старик, мне уж все равно, а ты, ты еще молод. Ложись! — И он указал мне на койку, развязал руки, прикрыл меня, а когда убедился, что всюду спокойно, об-

ЭР03207

мыл меня спиртом и снова уложил. В бреду и грезах я пролежал до утра, а утром, поблагодарив моего спасителя, отправился к Ольге Васильевне, благодаря которой отыскал товарища Козина, у которого и поселился...

Тут я узнал, что товарищ Зубок, убежавший от казни, был замечен на Соборной улице японским караулом, когда перелезал забор. Его сняли с забора на штыках.

. . . . . .

Я видел товарища Повилихина на другой день после кошмарной ночи. Его правдивый искренний рассказ произвел на меня потрясающее впечатление. Прошло уже несколько лет, могилы мучеников 26 марта заросли травой, но когда я вспоминаю об этом, мороз подирает по коже, словно я сам переживал этот кошмар. Живя сам на нелегальном положении, я не мог тогда записать его слов, поэтому в моем рассказе многие яркие моменты потускнели, но они сохранили свою точность и историческую правдивость.

ЭР03207

Во власти палачей

Темная дождливая ночь. Тихо в пустынном коридоре тюрьмы. Онемелый мрак не разрежет ни шаг, ни речь, ни звон ключей тюремщика. Спит Хабаровская тюрьма.

Не спят только заложники. Их десять. Десять активных деятелей большевизма, как писал в своем приказе по гарнизону атаман Калмыков.

Десять человек из тех, кто отказался принести повинную палачам и остался верен рабочему классу и его партии большевиков.

А приказ палача гласил:

«Приказ Хабаровскому гарнизону.

7 августа 1919 года, город Хабаровск.

5 сего августа воспитатель кадетского корпуса полковник Гросевич и бывший с ним караул стрелков 36-го сибирского стрелкового полка в 7 человек на озере Катар под-

ЭР03207

верглись нападению большевистской банды численностью до 100 человек. Вступивши в перестрелку и потерявши 4 человек ранеными, полковник Гросевич с 3 стрелками стал жертвой добычи предательской шайки, и о судьбе их неизвестно до настоящего времени.

Рассматривая вооруженные банды большевиков как изменников и предателей, но отнюдь не как полевого военного противника, стоя на защите каждого чина гарнизона как бойца возрождающейся армии, объявляю:

Если через 7 дней со дня издания настоящего приказа жертвы предательского террора, полковник Гросевич и его стрелки, не будут в Хабаровске, я немедленно расстреляю содержащихся под арестом следующих лиц, причастных к большевизму: Криворученка, Аксенова-Молоднюк, Бернштейна, Николаева Владимира, Казаринова Ивана, Рубана Ивана, Калмыкова Георгия, Штабного Емельяна, Гетмана Александра, Пичек-Иванова Георгия.

Коменданту города широко опубликовать настоящий приказ и, в случае невыполнения

ЭР03207

поставленного в нем требования, 15 сего августа в 4 часа утра привести в исполнение и мне донести.

Командиру 36-го сибирского стрелкового полка произвести подробное дознание, которое представить мне на предмет представления к награде молодых стрелков.

Начальник гарнизона

атаман Калмыков».

Через два дня был издан второй приказ следующего содержания:

«Заложника Пичек-Иванова, как не принадлежащего к числу ярых деятелей большевизма, исключаю из списка и заменяю комиссаром Хабаровской следственной комиссии Титовым.

Коменданту города настоящий приказ принять к сведению и исполнению.

Начальник гарнизона

атаман Калмыков».

В эту томительную бессонную ночь, ходя из угла в угол, в одиночках, ждали пленники белогвардейцев прихода палачей. Каждый думал:

ЭР03207

«Когда же конец? Когда пройдет эта страшная ночь?»

В тюремной церкви пробило четыре часа. Пять. Показался рассвет. Палачей нет!

Все тихо кругом попрежнему. Что такое?.. Неужели что-то есть новое?..

Неужели смерть миновала?..

Но ничего важного не случилось, палачи оставались в городе. Они дня и часа казни не проспали. Очевидно, еще не настал конец их кровавому разгулу.

Но все же казнь заложников была отсрочена на семь дней — не по милости атамана, а потому, что он получил предложение партизанского отряда обменять пропавшего полковника на присужденных к смерти заложников.

Мало кто верил в благополучный исход переговоров. Все знали коварство белогвардейцев, все боялись промаха партизан, как бы они не попали в ловушку к палачам. Были слухи, что партизаны не соглашались на обмен пяти человек, а настаивали на выдаче всех приговоренных к смерти.

Палач бесился, усилил аресты среди рабочих, арестовывал правого и виновного. Он

ЭР03207

хотел запугать, хотел выиграть время, хотел найти предателей революции среди рабочих и через них узнать местопребывание партизан, чтобы их уничтожить.

Его игра была раскрыта. Палач пошел дальше. Для устрашения и большей сговорчивости партизан утром 22 августа 5 человек заложников были переведены из тюрьмы и гуптвахты в вагон смерти.

Этот гроб на колесах, окрашенный в желтую краску под цвет казачьих лампасов, знало и помнит все население Приморья.

23-го обреченные на смерть в количестве пяти были вывезены за город и там изрублены на мелкие куски. И до сих пор никто не знает их могилы.

Узнав об убийстве первой партии заложников, партизаны вывели в расход полковника.

Оставшиеся 5 заложников продолжали содержаться в одиночках. Их лишили прогулок, свиданий и всего, что положено для арестантов буржуазных тюрем.

Позднее заложники были освобождены революционными войсками.

ДВГНБ

ЭР03207

Застенок

(Из записок бывшего председателя исполнительного комитета партизанских отрядов Хабаровского района)

Всем, кому приходилось бывать или проезжать станцию Хабаровск в период калмыковской диктатуры, вероятно, бросался в глаза странный поезд, окрашенный в неприятный желтый цвет казачьих лампасов. Этот поезд время-от-времени курсировал от Хабаровска до Владивостока и обратно и наводил «государственный порядок» и «спокойствие» среди населения; не успевшие же почему-либо во-время скрыться, или просто предаваемые многочисленными провокаторами, сторонники советской власти хватались калмыковцами и сажались в особый вагон.

Это был обыкновенный арестантский вагон, так называемая походная полевая гуптвахта атамана Калмыкова, иначе говоря — застенок, где предварительно перед смертью пы-

ЭР03207

тались и зверски истязались бесчисленные жертвы казацко-буржуазной диктатуры.

Длинный ряд советских деятелей, красноармейцев, партизан, работников подпольных организаций, работавших по свержению Калмыкова и Колчака, и еще большее количество совершенно не замешанных в дело революции, но лишь сочувствовавших советской власти, нашли себе в этом вагоне ужасную, мучительную смерть.

---

30 октября 1919 года. Хабаровск.

Окруженный штыками и дулами наганов, я почувствовал, что через несколько часов я должен буду умереть, причем род или способ смерти представлялся мне изысканно жестоким. Было все так просто, естественно и понятно. Умерли сотни и тысячи товарищей, пришла очередь умереть и мне. Не было ни страха, ни сомнений, ни горького разочарования.

Получив несколько ударов плетью по лицу и голове, отчего на минуту помутилось сознание, я был крепко связан заранее приготовленной веревкой. На глазах бледной, но

ЭР03207

внешне спокойной жены, впоследствии также арестованной и едва не расстрелянной, я был подвергнут новым избиениям калмыковским «прокурором» Унинским (сыном благовещенского попа).

Злорадству калмыковцев не было предела. Им было известно, что я один из главарей организации, комиссар и вообще «важный советский деятель». Немедленно я был доставлен к начальнику калмыковского штаба Суходольскому. Осмотрев меня, Суходольский приказал «хорошенько» допросить и «ликвидировать».

— Ну, вот, все теперь будет по-хорошему,— успокаивал Унинский, когда меня повезли на извозчике в «вагон смерти».— Тебе будет хорошо, и нам тоже. Предварительно я отрежу тебе уши, нос, выколю глаза, сдеру кожу, а потом уже подвешу к телеграфному столбу за ноги и сожгу.

— Убейте меня сразу, но не мучьте,— просил я.

Палач деланно рассмеялся.

— Это опре-де-лен-но! А пощекотать все-таки необходимо. Как ты думаешь, «товарищ»?

ЭР03207

Всю длинную дорогу до вагона прокурор острил и болтал в этом же духе и в то же время «забавлялся» моим лицом. Рукояткой плети и браунингом он бил по лицу и голове с таким видом, как будто это было нечто деревянное. Губы, нос, глаза вспухли, лицо отекло кровью, но физической боли я не чувствовал. Было одно желание — поскорее, поскорее умереть!

Вывернутые назад и крепко стянутые веревкой руки делали невозможным какое-либо движение. Я вспомнил о стрихнине, который несколько лет хранил при себе на каторге, и горько упрекал себя в том, что своевременно не обзавелся ядом, несмотря на постоянное ожидание ареста. Каким счастливым и свободным человеком я был бы, имея возможность в любую минуту прервать свою жизнь и не даться в муки палачам! Но было поздно.

В мою душу вползали гнусные, ядовитые как змеи, слова:

— Что ты видел сегодня во сне?

— Ничего,— глухо ответил я, еле находя в себе силы и чувствуя, как задыхаюсь от подступившего к горлу клубка.

ЭР03207

— Может, ты не веришь в сны?

— Не верю.

— Ни в бога, ни в чорта не веришь?

— Ни в бога, ни в чорта.

— Ну, хорошо, сейчас приедем, и ты у меня уверуешь вот в эту нагайку. Видишь кровь? Это — кровь твоих товарищей.

Нагайка с тремя пулями на конце действительно была в крови.

Подъезжая к железнодорожным путям, на которых тянулись длинные составы товарных вагонов, калмыковские броневики и «желтый поезд», я в последний раз взглянул на грязное осеннее небо, умирающую природу, туда, где убегала в туманную и сырую мглу железная дорога и где одиноко маячил семафор.

Там, за городом, начинались длинные овраги, покрытые кустарником. То были места казни многих сотен товарищей.

Из вагона вылезли калмыковцы и с торжествующим хохотом за волосы и ноги втащили меня в вагон. Здесь я увидел размещенные по маленьким клеткам за длинной железной решеткой скученные тела почти голых, с окровавленными лицами товарищей и едва

ЭР03207

мог узнать кое-кого из них. В первую минуту, под градом ударов, сыпавшихся на меня со всех сторон, я никак не мог понять, что делается вокруг меня. Всюду толпились и бегали калмыковцы; арестованные то втаскивались, то вытаскивались из вагона в вагон; слышалась отвратительная ругань, удары плетей, стоны, хрипенье.

— Подать сюда дюжих ребят! — скомандовал кому-то прокурор.

В соседнем вагоне, куда втолкнули меня, происходила уже настоящая, систематическая работа палачей. Я видел, как под ударами плетей, шомполов и резин извивались голые тела. Нечеловеческие крики, взвизгивания, стоны истязуемых, тяжелые, глухие удары плетей, рычание и хрипение палачей сливались в дикий, ужасный гул.

— Замолчи, сук-ка, б... краснож...— рычит сквозь зубы палач и с новым остервенением бьет плетью выбившуюся из сил окровавленную жертву.

— Ты не можешь, дай-ка я его, суку красную, разделаю и покажу ему советскую власть! — перебивает другой калмыковец, и начинается истязание в две руки.

ЭР03207

— Пощекочи его кинжалом! — советует кто-то из толпы.

В порядке очереди я был подвергнут жестокому, мучительному истязанию.

Целью истязания вовсе не было получение какого-нибудь показания,— все самые мельчайшие подробности о том, кто я и что делал в организации, были выданы предателями Лаптой и Заварзиным. Лапта присутствовал при всех допросах и давал показания о членах организации.

— Ты знаешь Бориса? — обращается к нему прокурор Унинский.

— Так точно.

— Кто он такой?

— Комиссар и главный организатор. Он подговаривал меня убить Калмыкова.

— Разверните, да смотри, чтобы ото всего сердца! — приказывает Унинский.

— Сволочь! — зашипел Лапта и под дикий хохот окружающих стал бить меня стальной велосипедной цепью.

— Подопри штыком!

— Крепче, сволочь!

— Приготовь отбивную котлету!

Окровавленного и растерзанного, меня бро-

ЭР03207

сили на пол и растаптывали сапогами. Прокурор уселся писать протокол.

— Посадите и вытрите на нем кровь! — распорядился Унинский.

— Неужели вы считаете нас контрреволюционерами? — обращается он ко мне равнодушным тоном.

— Считаю,— совершенно механически ответил я.

Кто-то сзади сильно ударил меня по голове плетью.

— Неужели вы думаете, что нам нужен царь? Мы революционеры не хуже вас, мы боролись и боремся за свободу. Вы еще не знаете, кто такой Калмыков и какой он революционер. Отведите его! — закончил Унинский.

Меня втолкнули в клетку. В каждой из них сидело по двенадцати человек.

Никто не удивился моему приходу, никто не задал ни одного вопроса, не было произнесено ни одного слова. Прижатые друг к другу, в ужасающей тесноте, босые, в одном нижнем белье, сидели еще живые товарищи. Каждому было понятно, что ожидает его и всех, и потому каждое движение, каждое

ЦГНБ

ЭР03207

слово, произносимое шопотом, казалось таким ненужным и бесполезным. Но мысль о смерти многих уже не страшила.

Несколько дней жизни, разделявшие моменты ареста и казни, были самыми мучительными и страшными.

Не проходило часа, чтобы кого-нибудь не выводили из клеток и не подвергали на глазах у всех пыткам. Пороли бычачьими плетями без счета, поливали кипятком и посыпали солью. Протыкали шомполом мягкие части тела и заставляли съедать человеческие испражнения. Устраивали так называемые «забастовки», заключавшиеся в том, что сами арестованные должны были избивать друг друга, насколько хватало сил. Получалось дикое, кошмарное зрелище. Приводили собак и заставляли проделывать над ними гнусные манипуляции.

Пускались в ход и другие приемы, описывать которые мерзко и гнусно. Все, что могло придумать воображение садиста-калмыковца, было пущено в ход. Дать полную исчерпывающую картину «работы» калмыковского застенка, характеристику главных палачей и руководителей убийств я не в со-

ЭР03207

стоянии, ибо это значило бы вторично пережить и перечувствовать все виденные и испытанные мною ужасы.

Однажды в «вагон смерти» зашел организатор казней Михайлов, один из самых жестоких и свирепых палачей из шайки Калмыкова. В вагоне все замерли. Он обошел клетки, долго присматривался к арестованным и, наконец, рассадил одних на правую, других на левую сторону и приказал не меняться местами.

Никто не знал, что именно значила такая сортировка. Судя по составу правой группы, которая куда-то предназначалась и состояла исключительно из маловажных, по степени их участия в работе организации, можно было думать, что их ожидает во всяком случае не смерть.

— Вероятно, на гарнизонную гауптвахту переведут из-за переполнения,— догадывались некоторые из товарищей и переглядывались между собой.

— Не на гауптвахту, а за семафор! — возражали другие.

— Почему же тогда не пересадили к нам Бориса и Луненко, более важных, чем мы?—

ЭР03207

тихо и тревожно спорили между собою товарищи.

Вся остальная часть дня до вечера прошла в зверских пытках и истязаниях товарищей, преимущественно из правой группы. Товарищу Погудину, как начальнику боевой дружины, по делам которой ему часто приходилось переодеваться в форму калмыковского офицера, прокололи кинжалом ладони рук; Марковцеву сожгли нос; других подвешивали к железной перекладине; третьим пороли грудь, живот и другие части тела. Все это происходило на глазах у всех арестованных. Я слышал, как некоторые из товарищей, закрыв лицо, глухо рыдали и что-то про себя шептали. Это был кошмарный день.

В эту ночь я решил во что бы то ни стало убить себя, но средств для этого не было никаких. Попытка вскрыть себе вены при помощи кусочка железа, ни к чему не привела, и лишь до крайности раздражила. У одного из товарищей я буквально украл коротенький ремешок, приготовленный им, очевидно, для той же цели, и сделал на шее петлю, но подвеситься на глазах зорких палачей было невозможно, затянуть же петлю руками не хватило сил.

ЭР03207

В ту же ночь к нашему вагону тихо пододвинули броневик. Из клеток стали выводить и вытаскивать полуживых товарищей и связывать веревками. Их было 21, в том числе одна женщина, товарищ Болотина.

Темная, дождливая ночь. Холодный ветер бушует в черном просторе Амура. Сердитые волны бьются о каменные утесы высокого берега. Длинный железный мост, фантастически освещенный ночными огнями, кажется висящим в пропасти черного безграничного пространства.

По длинному коридору моста тихо пробирается поезд с потушенными огнями и останавливается, не доходя середины. Из бронированного вагона вытаскиваются один за другим замученные жертвы, сверкают шашки, кинжалы, раздаются предсмертные вопли и стоны, и окровавленные трупы сбрасываются в черную бездну. Грандиозное сооружение, творение человеческого гения, стало голгофой для борцов за великие идеалы коммунизма и освобождения трудящихся от тысячелетнего рабства.

Кто расскажет нам всю тайну этой черной

ЭР03207

ночи? Кто расскажет всю неисчерпаемую глубину предсмертных страданий мучеников, обагрявших своей кровью каменные утесы железного моста? Кто заглянет в черную душу кровавых героев этого дикого кошмарного преступления? Кто?

В «вагоне смерти» осталась группа видных и наиболее активных работников организации. Было загадочно, почему именно и до какого момента оставили нас и что с нами намерены делать. Теперь мы ежеминутно ожидали своей очереди «за семафор» или на Амур и недоумевали, почему с нами не торопятся.

Тем временем я и несколько других товарищей решили бежать какою бы то ни было ценой. В нашей клетке подобрались, несмотря на перенесенные каждым страшные пытки, сильные и решительные товарищи. Постоянное ожидание смерти закалило и крепко спаяло нас. Нами овладело бешеное желание быть на свободе или умереть, но предварительно уничтожив всех палачей.

Предполагалось ночью произвести нападение на караул; был разработан план, распределены роли, но, как и водится в подобных

ЭР03207

девяноста девяти случаях, плану нашему, в силу многих случайных обстоятельств, не дано было осуществиться. Это меня подхлестнуло, я заметался и стал искать другого выхода.

Я принялся, не всегда пользуясь сочувствием товарищей, за выломку окна и железной решетки. В начале дело показалось совершенно безнадежным. Однако, несмотря на невероятно бдительный надзор и караул, несмотря на мертвый режим вагона, где нельзя было даже разговаривать, и постоянный риск провала, за которым последовали бы самые зверские пытки, мне в течение шести-семи ночей удалось перехитрить зорких палачей и сделать невозможно трудную работу. Слух, зрение, воображение, безграничная вера, энергия и изощренная до крайности хитрость сделали свое дело.

В то время нам стало известно, что Калмыков думает «судить» нас военно-полевым судом. Ему нужно было продемонстрировать нас перед «обществом» и показать, что у него тоже есть «государственный порядок» и что большевиков он убивает не как попало, а по суду. Тем не менее, участь наша была давно решена Калмыковым: приговор был написан,

ЭР03207

а на нем — очень «выразительная» резолюция атамана: «расстрелять к... матери».

На место убитых и замученных товарищей ежедневно приводились новые в одиночку и группами. То были большей частью пойманные партизаны, крестьяне, солдаты. Истязания и пытки происходили обычным порядком. Каждую ночь из клеток выводились жертвы, и вагон оглашался задушенными воплями и стонами. Иногда бывало, что сильный и крепкий партизан вырывался из цепких рук калмыковцев и метался по коридору, как недорезанный бык. Поднималась страшная возня, давка и, наконец, под ударами шашек, жертва падала, судорожно извиваясь в муках.

Выбивались глаза, зубы, отбивались внутренности. В клетках стоял трупный запах, изрубленные части тела гноились и кишели червями. Арестованным давалась в пищу горячая соленая вода, все страдали от нестерпимой жажды и за каплю воды готовы были умереть. Для естественных отправлений заключенные выпускались лишь по особой милости того или иного дежурного палача, а потому мочились в пригоршни и содержимое затем выпивалось.

ЭР03207

Перед моим побегом была введена новая пытка: «раскрашивание носов», состоявшая в том, что нос ломался и кожа с него сдиралась совершенно. Операция эта производилась не сразу, а в несколько приемов; при этом произносилась какая-то рифмованная гнусность, которую я теперь не помню.

Моя работа подвигалась медленно вперед. Встречались непреодолимые препятствия; я не ел и не спал в продолжение нескольких суток, но агония мозга оттого росла до крайнего предела, зажигая лихорадочным жаром все существо. Нужно было торопиться, ибо наступала последняя ночь. Завтра — позорная комедия калмыковского «суда», а затем смерть. Нужно еще усилие, последнее напряжение воли. Часовой мерно ходит взад и вперед, прислушиваясь к мертвой тишине ночи. За окном и в вентиляторе гудит вьюга, трещит жгучий мороз.

Я весь ушел в слух и лихорадочно, почти не дыша, продолжал свою работу. Товарищи спят на нарах и стонут, тревожимые кошмарными видениями. Двое из них изрублены шашками и плетьми и еле живы.

Это были здоровые, крепкие деревенские

ЭР03207

парни-партизаны, спустившие под откос поезд с казаками. У одного из них из проходов струилась кровь. Пытки, перенесенные ими, не поддаются описанию; стойкость же их изумила меня. Наивный, молодой партизан Давыдов не издал ни одного стона, не произнес ни одного слова о пощаде и к смерти относился с мужественным хладнокровием. В его светлых умирающих глазах я читал душевную чистоту и покорность неизбежному концу.

Когда я принимался за окно, он смотрел на меня ясными глазами, в которых светилась надежда и вера в избавление от проклятой смерти

Часа в три ночи, изнемогая от напряжения, я преодолел последнее препятствие: последняя рама была вынута и решетка отвернута,— струя холодного воздуха ударила мне в грудь. Я слышу, как зевает часовой, затем заходит комендант «желтого поезда» и экзаменует часового, что нужно делать в случае побега. Я с неимоверной быстротой привожу окно в порядок, сам ложусь на нары и делаю вид, что глубоко сплю. Комендант подошел к нашей клетке и долго всматривался в мое лицо.

ЭР03207

Наконец, все стихло. Успокоенный палач ушел в свой вагон. Я тихо растолкал своих товарищей и знаками распределил порядок побега. Определив слухом место часового, я босиком, в одном нижнем белье, вылез ногами в маленькое окно и упал с большой высоты в глубокий сугроб.

Мир казался несказанно прекрасным, когда я услышал ветер и увидел черный простор зимней ночи. Душа ликовала, сердце страшно билось в груди. Жажда жизни, свободы, борьбы с невероятной силой захватила мое существо, и я помчался в неведомое пространство. Позади меня трещали выстрелы калмыковцев, но я торжествовал победу и бежал через овраги и глубокие сугробы, падал от истощения сил, подымался и снова бежал.

Я понимал, что спасение можно найти лишь в городе, а не в снежной пустыне, и потому держал направление на город в надежде, что меня укроет кто-либо из оставшихся немногих товарищей. Но я попал в незнакомую окраину города, запутался в лабиринтах каких-то построек и только тогда ясно почувствовал, что я замерзаю: руки и ноги одервенели и почти не действовали.

ЭР03207

Я упал головой в сугроб и долго не мог подняться, несмотря на все усилия. И только жуткая мысль, что я умираю, выплывшая с поразительной отчетливостью в сознании, поддержала меня и, царапаясь почти без сознания за снег и доски заборов, я дополз до квартиры, где жил товарищ.

Я был спасен, но руки и ноги жестоко отморозил, и только лишь благодаря хорошему уходу женщины-товарища, которая лечила меня полтора месяца у себя дома, у меня не отвалились пальцы на руках, что случилось с другими бежавшими товарищами. Как я узнал потом, со мной бежало семь человек, все они остались без рук и без ног. Давыдов же умер около самого «вагона смерти». Я думаю, он был счастлив, умирая на свободе, не видя перед собою жестоких палачей.

Оставшиеся в других клетках товарищи, «осужденные» полевым судом к смерти, через несколько дней были увезены сербами и «дикой дивизией» к деревне Даниловке, около станции Дежневка Амурской железной дороги, и там переколоты штыками.

Убийцы так торопились, что трое из казненных, товарищи Сумарокин, Голубев и

ЭР03207

Яков Лупенко, получив неглубокие раны и будучи зарыты в снег, все-таки остались живы. Последний, имея шестнадцать штыковых ран, был подобран крестьянами и доставлен в переселенческую больницу в город Хабаровск, где спустя две недели умер. Это был смелый и отважный революционер, хорошо известный в Красноярске и Благовещенске.

Далеко за деревней, разделившись на группы по два и три человека, сербы штыковыми ранами прикончили товарищей.

— Помолись, товарищ! — сказал серб товарищу Сумарокину, приставляя штык к его груди.

— Ну, держись крепче, сейчас будем колоть! — и три штыка, вонзившись в грудь, с силой отшвырнули тело в сугроб. Серб ударил еще раз штыком, но другой остановил его и сказал:

— Довольно, я попал ему в самое сердце.

...На ваших устах, притаившиеся по темным углам рыцари контрреволюции, я вижу, как от удовольствия вы потираете руки и шипите.

Как жалка и ничтожна ваша роль теперь, вы, пытающиеся остановить колесо истории,

ЭР03207

потушить пламя социальной революции; вы, не брезгающие никакими средствами в борьбе против победоносного пролетариата; вы, кричащие об ужасах пролетарской диктатуры и красного террора!

Где и в чем репрессии советской власти могут сравниться с кошмарным белогвардейским террором? Кто подсчитает жертвы буржуазной диктатуры в Сербии? Грозной стеной встают они из братских могил, оврагов, застенков — с отрубленными головами, с зияющими ранами, с веревками на шее, с перерезанным горлом и сожженными носами.

Тысячи, десятки тысяч гекатомб мучеников социальной революции!

Это — мертвецы Коммуны.

ДВГНБ

ЭР03207

ДВГНБ

ЭР03207

ДВГНБ

ЭР03207

132
2
ДВГНБ
ЭР03207